

И. А. Гончаров.

Заметки по поводу юбилея Карамзина

Оригинал находится [здесь](#).

В газетах кое-где упомянуто было о предстоящем праздновании юбилея Карамзина, со дня рождения которого минет в декабре столетие. Судя по кратким, мимолетным известиям газет, празднование это ознаменуется довольно скромным и только приличным случаем торжеством. Один день посвящается собранию в Академии наук, другой – в университете, и, наконец. Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым даст литературный вечер: в известиях упоминается, что в чтении на этом вечере будут участвовать гг. Костомаров и Майков. Вот и вся известная публике программа торжества. Между тем юбилей в память Ломоносова отпразднован громко, великолепно, достойно родоначальника русского просвещения. Праздник обошел всю Россию, повторился, более или менее торжественно, в разных пунктах нашего отечества, где только мысль, наука и слово находят почитателей и последователей.

Скажут, что Карамзин не Ломоносов: он не начинатель великого дела просвещения в России, не гений-самородок, открывший собственными силами русскому духу и уму доступ в область знания и мысли и т. д. Так; но кому же, после Ломоносова, принадлежит большая доля деятельности в совершении подвига, начатого Ломоносовым, как не Карамзину, проводнику знания, возвышенных идей, благородных, нравственных, гуманных начал в массу общества, ближайшему, непосредственно действовавшему еще на живущие поколения двигателю просвещения? Воспоминания о нем как о писателе и как о благородной, светлой личности еще живут в современном обществе, ему принадлежат наши живые симпатии, – и общество, толпою стекавшееся на торжество в память Ломоносова, конечно, поспешило бы и на этот, более близкий сердцам нашим, праздник.

Пусть Академия наук и университет почтят в стенах своих память ученых заслуг знаменитого историографа, сохраняя обычный строгий характер ученого торжества. Этот праздник и по официальнойности характера, и по тесноте помещения созовет относительно немногочисленных почитателей ученых заслуг Карамзина; но где же и когда соберется образованная масса публики, обязанная благотворному влиянию на нее Карамзина не только как ученого, но вообще как всестороннего писателя, как человека, многим еще лично памятного, как общего нашего наставника?

Вся надежда на такой праздник могла бы сосредоточиться на предполагаемом вечере Литературного фонда.

Мы не знаем, будет ли этот вечер ознаменован чей-нибудь особенным, что сделало бы его непохожим на обыкновенные литературные вечера, какие даются всякую зиму несколько раз и вскоре забываются. Пока из газет известно только, что будет дан вечер с участием гг. Костомарова и Майкова. Участие этих заслуженных литературных деятелей, конечно, необходимо и дорого в подобном торжестве, но нельзя не сознаться, что это слишком мало. На празднике в память Карамзину должна присутствовать вся наша литература, и если физически невозможно участвовать чтением всем лучшим деятелям, то могли бы участвовать многие, хотя бы понемногу. Нет надобности читать большие отрывки или целые поэмы: но значение и характер праздника требовали бы, чтоб большинство писателей, начиная с старейших до новейших, публично принесли каждый свою лепту в память нашего просветителя.

Казалось бы справедливым, чтоб и на этом вечере, как на празднике Ломоносова, все присутствующие в городе литераторы столпились единодушно, забыв разность литературных эпох, направлений и оттенков, около увенчанного бюста юбиляра, начиная с ветеранов литературы с ближайшим сподвижником и другом Карамзина, князем Вяземским во главе, с Ф. Н. Глинкою, И. И. Лажечниковым, Н. И. Гречем, Тютчевым, нашими известными историками, журналистами и прочими писателями и кончая недавно выступившими на литературное поприще.

Желательно было бы также слышать с эстрады чтение из сочинений Карамзина устами его сына, который не отказался почтить участием своего знаменитого имени память Ломоносова. Может быть, к этому литературному